РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

НБ УрГЮУ

0099054

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

В номере:

Договоры и завещания русских князей XIV–XVI вв.

Венецианская фактория в Тане и её жители

Южные границы России в XVI – начале XVIII в.

Чертежи и пространства Московской Руси XV–XVI вв.

Покровители и их протеже в русском обществе на рубеже XVIII–XIX вв.

Миссионерство и русификация на Кавказе в XIX в.

Кавказская война в интерпретации современных исследователей

Государственная дума и военная политика Российской империи

Руководители Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.

Начдив Г.Х. Эйхе и наступление красных весной 1919 г.

Промышленные рабочие СССР в середине 1920-х гг.

Художник В.И. Шухаев

МОСКВА
НАУКА

Читальный зал №2

3 май июнь 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Автор и документ

В.А. Кучкин
О новом издании договоров и завещаний русских князей XIV–XVI вв. 3

Сюжеты и эпизоды

С.П. Карпов
Modus vivendi жителей венецианской фактории в Тане (Азове) в XIV–XV вв. 27

Ю.А. Мизис, А.И. Папков
Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. 33

А.А. Фролов
Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси в XV–XVI вв. 50

В.М. Муханов
Проекты создания миссионерского общества на Кавказе: от А.П. Ермолова до князя А.И. Барятинского 60

Е.И. Кобахидзе
Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе 74

Профессия и сообщество

А.Х. Боров
Кавказская война в современных дискуссиях и интерпретациях 83

Факты и преломления

М.Б. Лавринович
Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. 91

Р.А. Бадиков
В тени М.В. Фрунзе и В.И. Чапаева: деятельность Г.Х. Эйхе в апреле–июне 1919 г. 111

Институты и общности

В.А. Дёмин
Комиссия Государственной думы по государственной обороне и военная политика Российской империи 127

В.П. Сапон
Руководство Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.: национальное, общественное, личное..... 139

М.А. Фельдман
«В зеркале переписи отразилось не то лицо»: рабочие промышленности СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. 150

Е.А. Кочеткова, П.С. Покидько
История завода в Йоханнесе (Советском) в 1944–1951 гг. 166

Лица и взгляды

В.С. Христофоров
Материалы Центрального архива ФСБ России о художнике В.И. Шухаеве 177

Обзоры и рецензии

О.Г. Агеева – Рукописный трактат «О коронах» начала XVIII в.: памятник русско-венгерских культурных связей – «A koronákrol»: egy XVIII. század eleji kézirat, az orosz-magyar kulturális karcsolatok dokumentuma 185

С.М. Гаврилова – Г.А. Баутдинов, Ф. Аудизио, Р. Ризалити. Закревские и Друцкие-Соколинские в Италии. 1860–1940 188

Л.С. Гатагова – А.П. Ермолов. Кавказские письма. 1816–1860 190

В.П. Булдаков – Критический словарь Русской революции: 1914–1921 193

В.Я. Гросул – М. Рейман при участии Б. Литеры, К. Свободы, Д. Коленовской. Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 г. 202

В.В. Тихонов – Победа–70: реконструкция юбилея 206

С.В. Любичанковский, С.В. Джунджузов, Н.С. Барабаш, С.С. Шувалов – «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1–2 210

И.В. Кривушин – А.В. Лукин, П.В. Лукин. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история 214

Наши авторы 218

История завода в Йоханнесе (Советском) в 1944–1951 гг.

Елена Кочеткова, Павел Покидько

The history of Johannes (Sovietsky) factory, 1944–1951

Elena Kochetkova (National Research University Higher School of Economics, the Saint Petersburg School of Social Sciences and Humanities, Russia), Pavel Pokid'ko (European University in Saint Petersburg, Russia)

Целлюлозно-бумажный комбинат в Йоханнесе (Советском)[1] был одним из предприятий Карельского перешейка, ставшего частью СССР в 1944 г. Присоединение территории не означало автоматического увеличения выпуска его продукции и запуска новых технологий. Нужно было не только восстановить разрушенное войной предприятие, но и создать новую инфраструктуру, найти инженеров и источники снабжения. Хотя нет достоверных данных о том, сколько финских специалистов осталось на присоединённой территории, косвенные сведения позволяют сделать вывод о том, что всех жителей посёлка и работников предприятия эвакуировали в Финляндию[2]. Фактически его запускали заново – в этом отличие от периода индустриализации 1930-х гг., когда СССР закупал на Западе целые заводы[3]. Причём у советских специалистов и рабочих часто не было технических планов, а эвакуированная финскими военными техника возвращалась хаотично по репарациям.

В историографии практически не затрагивались вопросы технологического освоения бывшей финской территории, оказавшейся в составе СССР. Главным образом исследовались лишь механизмы её управления и заселения, а также личный опыт переселенцев[4]. Историки не освещали вопросы, касающиеся раз-

---

© 2016 г. Е.А. Кочеткова, П.С. Покидько

В статье частично использованы результаты проекта «Движение материального в истории: роль природных ресурсов, материалов и товаров в формировании институтов и инфраструктур», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2016 г.

Авторы выражают благодарность Ю.А. Лайус за замечания и предложения при подготовке статьи.

[1] 19 июня 1944 г. финский поселок Йоханнес стал советским в результате советско-финских военных действий в 1941–1944 гг.; в 1948 г. его переименовали в «Советский»; в 1951 г. работавший близ него бывший финский целлюлозно-бумажный комбинат получил такое же название (Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ), опись к ф. Р-69).

[2] В личной беседе с авторами статьи финский инженер компании «Раума-Репола» рассказал о том, что на всей территории Карельского перешейка и Северного Приладожья осталось не более 2 тыс. финнов. На данный момент найти более точные сведения не удалось, однако многие воспоминания свидетельствуют о заселении фактически пустых территорий. (См.: *Мельникова Е.* Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев. Неприкосновенный запас. 2009. № 2; URL: http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/me4.html. Дата обращения: 25.11.2015.)

[3] См.: *Cohen Y.* Circulatory Localities: The Example of Stalinism // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. Vol. 11. № 1. 2009. P. 11–45; *Siegelbaum L.* Cars for Comrades: The Life of Soviet Automobile. N.Y., 2008.

[4] См., например: Граница и люди / Сост. В.Ю. Макарова. СПб., 2005; *Кривошеев Ю.В.* Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка. СПб., 2012; *Балашов Е.А., Степаков В.Н.* В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка, 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб., 2001; *Большакова Г.И.* Карельский перешеек в 1940–1960 гг.:

вития промышленности и технологий, положения рабочих на новых территориях. Цель данной статьи – рассмотреть проблему, связанную с технологическим освоением комбината советским руководством, инженерами и рабочими. Речь пойдёт об использовании отечественными специалистами технологий, перешедших от «другого» в первые годы советской истории предприятия. При реконструировании бытовой и производственной повседневности комбината в Советском, мы, во-первых, учли своеобразие перехода частновладельческого предприятия в режим плановой экономики, во-вторых, подразумевая под технологическим освоением деятельность социальных акторов[5], рассмотрели особенности восстановления и запуска предприятия.

Развитие технологических систем всегда требует внедрения изобретений[6], в случае же с присоединённым предприятием это стало крайне актуальным. Из-за его частичного разрушения, а также нехватки оборудования, деталей или ресурсов рабочим и инженерам приходилось, с одной стороны, предлагать пути решения технологических проблем за счёт изобретений и рационализаторства, с другой – в условиях быстрого послевоенного развития лесной промышленности внедрять новые технологии (например, непрерывной варки целлюлозы или использования в производстве отходов лесозаготовок).

Т. Хьюз (T. Hughes) назвал три стадии изобретения: собственно изобретение, совершенствование и внедрение (инновация). В СССР во время индустриализации 1930-х гг. и в дальнейшем стремились использовать собственные разработки для импортозамещения дорогостоящих западных. В качестве изобретения могли выступать не только технические новинки, но и методика работы за станком, рекомендации по увеличению производительности труда или обслуживанию производства. При этом главным препятствием внедрения изобретений становилось сопротивление бюрократии. С.В. Журавлёв на примере московского Электрозавода показал трудности, возникавшие из-за административных проволочек в СССР в 1920–1930-е гг. Предложения рабочих, позволявшие экономить, часто оставались без внимания или внедрялись с большим трудом. На ситуацию не влияли ни заведение уголовных дел, ни заключение в тюрьму административных работников[7].

В СССР довольно часто использовались технические достижения капиталистических стран, но могло ли советское изобретение стать полноценной инновацией в послевоенные годы, а использование зарубежного технологического потенциала (за счёт присоединённых территорий) помочь создать и реализовать собственные технологии? Представляется, что именно технологическое развитие страны того периода всё ещё недостаточно освещено в историографии.

адаптация и приживаемость советских переселенцев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). Вып. 4. 2011. С. 54–58; *Laine A.* Modernization in the 1940s and 1950s in the Part of Karelia that Was Annexed from Finland on 13 March 1940 // Moving in the USSR: Western Anomalies and Northern Wilderness / Ed. by P. Hakamies. Helsinki, 2005. P. 19–41; и др.

[5] Как писал Ф. Брей, работа машин это не то, что объясняет развитие общества, но то, что должно быть объяснено через изучение людей, их взаимодействие и представления о технологии (*Brey P.* Theorizing Modernity and Technology/Modernity and Technology / Ed. by T. Misa, P. Brey, A. Feenberg. Massachusetts, 2003. P. 33–72).

[6] Technological Systems and Economic Performance: The Case of Factory Automation / Ed. by B. Carlsson. Boston; Dordrecht; L., 1995.

[7] *Журавлёв С.В.* «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х–1930-х гг. М., 2000. См. также: *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма». Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; *Соколов А.К., Маркевич А.М.* «Магнитка близ Садового кольца». М., 2005; и др.

Основой данного исследования послужили ранее не изученные документы фондов Ленинградского областного государственного архива – материалы совещаний и отчёты инженеров по вопросам развития техники и новых технологий[8]. Кроме того, впервые в качестве источника по технологической истории Карельского перешейка были использованы материалы газеты «Выборг» («Выборгский большевик», или «Вийпуриский большевик»; издавалась с 1940 г.). В её задачи входили доведение решений партии до населения, печать отчётов и освещение локальных событий. Однако газета служила и своего рода площадкой для решения конфликтных ситуаций между администрацией и рабочими, печатая массу критических писем в специальной рубрике «Глас народа».

Карельский перешеек (вместе с Северным Приладожьем и районом Петсамо) включался в состав Советского Союза дважды: в 1940 г. – по итогам Советско-финляндской войны и в 1944 г. – после освобождения региона от финской оккупации советскими войсками. Вместе с территорией туда вошли несколько крупных предприятий целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности[9]. В довоенный период производство целлюлозы в СССР было развито слабо, и присоединение пограничных финских предприятий позволяло существенно увеличить количество целлюлозы, причём более качественной[10]. Кроме того, можно было решить проблему производственных мощностей, не вкладывая средства в развитие собственных технологий.

Одним из крупнейших на территории перешейка (а также в масштабах страны) и самых успешных в рамках кампании по восстановлению производства был расположенный в 20 км от Выборга целлюлозно-бумажный завод в Йоханнесе. За годы войны он подвергся наименьшим разрушениям, вследствие чего стало возможным его более интенсивное, в сравнении с другими предприятиями, производство. Это был единственный комбинат, восстановленный его же инженерами и рабочими без привлечения подрядных организаций (в остальном он типичен для новых советских территорий).

В 1944 г. важным для комбината оказалось решение административных, социальных и технологических вопросов. Как и в первый советский период (1940–1941) перед его коллективом остро встала проблема заселения новых территорий, поиска рабочих и инженеров, которые могли бы восстановить и

---

[8] На данный момент нам не удалось найти документы партийной организации комбината в Советском. О сравнении производственных и партийных документов на советском предприятии см.: *Кочеткова Е.* Технологическая модернизация в СССР в 1950-е – 1960-е гг. (на примере Светогорского целлюлозно-бумажного комбината) // Вестник Пермского государственного университета. Сер. «История». Вып. 1(24). Пермь, 2014. С. 194–205.

[9] Так, комбинат Энсо (современный Светогорск) накануне Советско-финляндской войны считался одним из самых развитых и крупных производителей целлюлозы в масштабах не только СССР, но и всей Европы. Всего на территории находилось более 200 деревообрабатывающих и деревоперерабатывающих предприятий; несколько из них были крупными целлюлозными и бумажными комбинатами (См.: *Веригин С.Г.* Восстановление промышленности и сельского хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР в 1940–1941 гг. // История и культурное наследие Северного Приладожья: Взгляд из России и Финляндии. Материалы II международной научно-практической конференции 11–13 июня 2007 г. Сортавала; Петрозаводск, 2007. С. 120–127; *Кочеткова Е.* Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо/Светогорска // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2013. № 5. С. 12–42.

[10] *Laine A.* Op. cit. P. 29.

запустить сложное производство[11]. Ими становились люди, приезжавшие из разрушенных войной регионов Советского Союза, а специалисты в основном были ленинградцами. В 1945 г. на комбинате в Йоханнесе трудились 134 человека, но обученных мастеров было только шесть[12]. Для инженеров и рабочих переезд на новые земли (для них это была заграница) считался престижным. Для многих из них, вернувшихся с фронта и видевших западные стандарты жизни, условия работы на новых финских территориях показались очень хорошими. Рабочие получали жильё в бывших финских благоустроенных домах и отремонтированных бараках, восстановлением которых занималось управление НКВД[13].

Однако то же нельзя было сказать про условия труда на комбинате. В ситуации отсутствия слаженного внешнего снабжения предприятие часто не могло получить даже самые необходимые инструменты и материалы. Для восстановления электроэнергетического узла, например, не хватало медного провода, использовавшегося в финский период, и отсутствовали соответствующие специалисты[14]. Рабочие, трудившиеся с полной самоотдачей, решали проблемы на месте. Например, за счёт существенного увеличения выплавки в литейной мастерской им удавалось получать медь.

В первый год восстановление основных объектов происходило планомерно: вначале запустили важные с точки зрения снабжения инфраструктурные объекты (например, электростанцию). На комбинате восстановили финские турбины, паровые котлы, позволившие подавать энергию в варочный цех и для бытовых нужд. О том, как шёл процесс на лесной бирже (важнейшей составляющей инфраструктуры предприятия), рабочий Б. Кривов вспоминал: «Чтобы древесина попала в переработку, её сначала свозят на древесную биржу, которая находится в непосредственной близости от самого завода. Там древесину разгружают из вагонов, сортируют и отправляют в перерабатывающие цеха. Так вот, для того на бирже существует двухосный железнодорожный кран... Чтобы он не достался русским, финны его разобрали на части и затопили на порядочной глубине в заливе. После войны начались работы по поиску крана и его поднятию. Работы были проведены в полном объеме, и кран по сей день используется по своему прямому назначению. Много тогда оборудования со дна доставали. Что-то налаживали, а что-то было выведено из строя безвозвратно»[15].

---

[11] В 1940–1944 гг. происходили создание органов управления и процессы переселения, остановленные военными действиями в годы Великой Отечественной войны. См. подробнее: *Балашов Е.А., Степаков В.Н.* Указ. соч. По данным Наркомата бумажной промышленности (1945), ответственного за присоединённые предприятия, для восстановления всех входивших в его ведение объектов потребовалось 100 тыс. человек. Как указывалось в отчёте комиссии, созданной советским правительством для обследования новых предприятий, в цехах комбинатов «было снято всё, что можно снять.., причём самым варварским способом». На них было установлено оборудование, демонтированное финскими войсками и советским руководством при эвакуации, а также организовано их снабжение сырьём (РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 1106, л. 34; ф. 905, л. 12).

[12] ЛОГАВ, ф. Р-69, оп.1, д. 1, л. 6; ф. 69, оп. 2, д. 8, л. 4.

[13] См.: *Балашов Е.А., Степаков В.Н.* Указ. соч.; *Priestland D.* Cold War Mobilization and Domestic Politics: the Soviet Union. Westerd. Cambridge, 2010. P. 453. Для сравнения: разрушения в посёлке Энсо были более заметными – в первые годы после войны все дома требовали ремонта, не было электричества, водоснабжения, консервные банки заменяли посуду (ЛОГАВ, ф. Р-180, оп. 4, д. 6, л. 6, 9).

[14] ЛОГАВ, ф. Р-180, оп. 4, д. 6, л. 2.

[15] *Балашов Е.А.* Указ соч. С. 156.

Однако если механические и установочные работы могли выполнить менее квалифицированные рабочие под руководством небольшого числа инженеров, то запуск более сложных элементов производства в правильном режиме был затруднён. Несмотря на большой поток желавших переселиться на новые территории, проблема нехватки квалифицированных рабочих оставалась актуальной на протяжении всего периода восстановления.

Инженеры, руководившие установкой оборудования и запуском основных объектов комбината, имели большое влияние и были самостоятельны в принятии решений (без согласования с центром). На страницы газет регулярно попадали их сводки о ходе восстановления, принятии сложных решений на местах. В этих публикациях было много фактической информации и совсем мало идеологических сюжетов. Инженеры не только сами определяли критические проблемы в работе комбината, но и решали вопросы, связанные с переквалификацией рабочих, повышением их общего уровня грамотности, что часто диктовалось необходимостью решать срочные задачи, возникавшие в процессе производства. Обучение целиком зависело от непосредственного внимания к нему мастеров[16].

Для решения сложных технологических вопросов инженеры предприятия советовались с финскими специалистами. После 1944 г. между СССР и Финляндией стали развиваться научно-технические контакты, в том числе во время выплаты финнами репараций[17]. Во время установки нового и возвращавшегося оборудования предприятию помогали финские инженеры, работавшие на комбинате до войны. Так, во время одной из встреч в 1945 г. они дали ценные рекомендации относительно закупок оборудования и работы предприятия, сообщив даже, где находилось спрятанное во время эвакуации сырьё[18]. Кроме того, в посёлке применили и финский опыт строительства дорог (из шлака и гравия). Но из-за ненадлежащего контроля они приходили в негодность, поэтому со временем от этой технологии пришлось отказаться.

Из-за нерегулярных поставок деталей по репарациям оборудование часто не работало. В 1945 г. в Йоханнес были возвращены эвакуированные в Финляндию важные для подготовки древесины корообдирки. Однако в них отсутствовали ножи, без которых работа механизмов оказывалась невозможной. В ходе разбирательства выяснилось, что ножи для аппаратов потеряли во время эвакуации. В результате руководству комбината пришлось заказывать их уже в СССР, для чего пришлось потратить массу времени на поиск соответствующего завода[19].

В первые послевоенные годы отсутствие технологических возможностей компенсировалось изобретательством на местах, поощряемым руководством. В газете часто воспроизводились сюжеты о том, что любой рабочий мог внести предложение об экономии дефицитного сырья или выработать продукцию в условиях нехватки технических деталей. Эти инициативы быстро и беспре-

---

[16] Одним из типичных, например, был опыт бумажного цеха, в котором работали 12 человек. По инициативе мастера Иванова все они обучались на курсах повышения квалификации (*Иванов П.С.* Крепкая дисциплина – залог успеха // Выборгский большевик. 1951. 8 июля. № 215. С. 2).

[17] См.: Suomen sotakorvaukset 1944–1952: Mahdottomasta tuli mahdollinen / Ed. by H. Rautkallio. Keuruu, 2014.

[18] Например, финский инженер Олдстрём указал, где можно было найти на складах жидкое стекло (ЛОГАВ, ф. Р-69, оп. 2, д. 9, л. 2, 4).

[19] Там же, л. 1.

пятственно внедрялись. Именно так рабочий Аношкин смог запустить старую транспортную ленту и мотор, а также сэкономить масло и т.п.[20] Другой пример – восстановление тепловой электростанции: из-за отсутствия кочегаров инженер Крутиков сам встал к топке и перевыполнил план, а в дальнейшем начал обучать кочегаров методам эффективной организации работы[21].

Перезапуск комбината потребовал поиска новых источников сырья и изменений в инфраструктуре производства. В финский период многие местные предприятия снабжались сырьём из внутренних районов Финляндии. Изменение географической границы сделало невозможной прежнюю поставку таких базовых для производства материалов, как лес и камень[22]. Кроме того, необходимо было организовать доставку готового сырья во внутренние районы СССР. Замена сырьевой базы в целом оказалась успешной уже в первый год восстановления. Так, в Рухало, недалеко от Йоханнеса, нашли мраморный камень, которым заменили известковый, и организовали его подвоз. Однако проблемы с инфраструктурой и транспортировкой других видов сырья стали одной из главных трудностей на производстве. Во многом это было связано с недостаточным финансированием, требовалось также наладить транспортное сообщение с Ленинградом и другими крупными пунктами.

К 1946 г. восстановили основные цеха, разработали планы по расширению комбината и ввели его в эксплуатацию[23]. Однако из-за возникших трудностей, неразвитости инфраструктуры и нехватки финансовых ресурсов при выполнении производственных планов на предприятии возникли проблемы, остававшиеся актуальными в течение всего последующего периода. Основную вину за простои производства и неудовлетворительные условия жизни рабочих руководство отрасли возложило на директора комбината. Также администрацию обвиняли в недостаточно эффективной партийной работе, которая порой сводилась к докладам по праздникам или ограничивалась встречами с рабочими других предприятий и военными, где нередко случались казусы. Так, на одной из них кто-то сказал, что «наших бойцов, попавших в плен в Финляндию, мы вытаскиваем, а они бегут обратно»[24]. В дальнейшем усиление контроля со стороны партийной организации стало заметным явлением на комбинате.

В 1947 г. министерство обвинило директора предприятия В.Л. Веригина в недостаточном контроле за инженерами, в непроведении регулярных технических совещаний, «невмешательстве в работу отдельно взятых цехов и участков»[25]. Новое руководство поставило задачу максимального использо-

---

[20] О мастерах комбината // Выборгский большевик. 1946. 1 февраля. № 19. С. 1.

[21] Там же.

[22] Наиболее яркий пример того, как граница может влиять на использование ресурсов – Сайменский канал. После войны большая его часть вошла в состав СССР. Финляндия испытывала потребность в использовании этого ресурса и заключила договор об аренде советской (бывшей финской) части канала. В этом отношении граница была реальной и физической, влиявшей на условия развития технологий и инфраструктуры (*Cooper A., Perkins C.* Borders and Status-Functions: An institutional Approach to the Study of Borders // European Journal of Social Theory. 2012. № 15. P. 55–71).

[23] В целом процесс советизации Восточной Европы завершился к 1948 г. (*Naimark N.* The Sovietization of Eastern Europe, 1944–1953 // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1: Origins / Ed. by M. Leffler, O.A. Westerd. Cambridge, 2010. P. 184). Мы используем понятие «интеграция в советскую технологическую систему», не рассматривая политическую составляющую.

[24] ЛОГАВ, ф. 69, оп. 2, д. 8, л. 8.

[25] Там же, л. 6.

вания оборудования и достижения норм довоенного уровня[26]. Изменения свелись к выпуску продукции (при её удешевлении) сверх плана и проведению на предприятии социалистических соревнований. Если вопросы о восстановлении объектов решали инженеры, то с 1947 г. запуск технологий и оборудования уже контролировали министерство и руководство комбината. Инженеров поставили в сложное положение: от них требовали запуска новых технологий, но не давали ресурсов и времени для развития вспомогательных мощностей. В результате планы исполнялись, но возникали проблемы на производстве. Так, в варочном цеху запланировали работу двух котлов во втором квартале и трёх – в течение следующих месяцев. На деле для достижения показателей инженеры прибегли к использованию всех доступных мощностей. Например, для выработки целлюлозы было достаточно работы на двух котлах. Однако устаревшие котлы, недостаточно мощные, становились причиной простоев, и часто, чтобы компенсировать слабые мощности, целлюлозу варили на трёх и четырёх котлах[27].

Одной из причин технологического напряжения было то, что в отличие от финского времени большая часть налогов оставалась не в распоряжении администрации посёлка, а отправлялась в Москву. Социальные проекты, механизация инфраструктуры производства финансировались не в полном объёме или по остаточному принципу, что сказывалось на работе комбината и изменило отношение у рабочих к труду. Главным стал типичный для советского производства принцип: «Чем больше денег будет сэкономлено на производстве, тем больше ресурсов будет в распоряжении партии на восстановление народного хозяйства»[28]. Таким образом, руководство предприятия оказалось в затруднительном положении: декреты партии предписывали вынимать как можно больше денег из производства, но при этом от него требовали форсированного развития.

Как и в годы восстановления, главным стимулом для работы выступали призывы к социалистическому строительству и обязательства перевыполнить определённые нормы к праздникам или другим знаменательным событиям. К примеру, образцами для подражания стал труд передовиков производства и использование «стахановских» методов. В то же время число внедрённых инноваций существенно снизилось. Описания технологических процессов в Йоханнесе во многом стали схожи с положением дел с инновациями на московском Электрозаводе, представленным Журавлёвым, который привёл примеры внедрения предложенных рабочими изобретений, позволявших достичь существенной экономии. Центральное руководство в лице наркомата было заинтересовано в подобных проектах, однако местная администрация чаще всего препятствовала таким инициативам. Большинство историй неудачного внедрения изобретений и рационализаторских предложений «объяснялось элементарным головотяпством и недисциплинированностью, но были и намеренные действия со стороны руководителей низового уровня»[29].

С 1947 г. наиболее «популярными» в газете «Выборгский большевик» стали сюжеты, связанные с проблемами, вызванными халатностью руководства отдельных заводов. В первый год после полного запуска предприятия появились

---

[26] Там же, д. 13, л. 49.
[27] Там же, д. 24, л. 34.
[28] Обсуждение письма Сталину // Выборгский большевик. 1949. 5 апреля. № 178. С. 1.
[29] *Журавлёв С.В.* Указ. соч. С. 163.

газетные статьи об отсутствии порядка на производстве. Это касалось отходов, выбрасывавшихся на прилегавшие к комбинату территории, организации нового поселкового клуба, нехватки элементарных предметов (например, лопат). Так, грузчики из выборгского порта заявляли, что отсутствие необходимого существенно снизило производительность их труда. В то же время газетные публикации всё же возымели действие: уже через неделю в ответ на претензию по поводу отсутствия лопат руководитель комбината Н.И. Соколов сделал отчёт о закупке 150 новых лопат, а также о решении вопросов, возникших по поводу общежития[30].

Иногда жалобы приводили к неожиданным результатам. Так, инженеры в приватной беседе рассказали директору о том, что не могут найти общего языка с рабочими, недовольными нехваткой материалов или техническими проблемами. В результате ему по приказу проверки из министерства (1946) пришлось проводить с инженерами совещание, требовать от них должного обращения с рабочими, а также организовывать приём по особо важным вопросам[31]. Тем не менее постепенно на предприятии исчез контроль над развитием культуры производства. Если в начале восстановительного периода газета писала о большом энтузиазме людей, то теперь – об их формальном отношении к своим обязанностям. Так, ежегодно руководство комбината выплачивало штрафы за несвоевременную выгрузку сырья с железной дороги, затем ситуация ухудшилась, и его неправильное хранение (на что указывали многочисленные жалобы в газету) негативно повлияло на качество выпускавшейся продукции.

Кроме того, усугубились бытовые проблемы, в бо́льшей степени вызванные пассивностью начальства. Если в восстановительный период оно проявляло заинтересованность в решении повседневных вопросов зависевшего от него посёлка, то затем всё изменилось. С 1947 г. в газете уже появились публикации на тему социальных проблем, а не технологических. Со временем на предприятии усилилась роль начальников участков, участились злоупотребления со стороны руководителей отдельных объектов комбината. Так, любопытна публикация «Начальник лесной биржи преуспевает» (июнь 1949 г.). Заведующая детским садом писала, что как-то показала директору лесной биржи Друйзену приготовленные для посадки саженцы. Но вскоре они оказались на его личном участке. А после того, как детский сад обнесли высоким забором и подъезды к нему завалили балластом, у нее возникло подозрение, что Друйзен хотел забрать всю подконтрольную ей территорию в собственное пользование. Публикация возымела действие: благодаря вмешательству руководства комбината уже через месяц подъезды к детсаду освободили и даже отремонтировали его систему отопления[32]. Но подобные решения принимались редко, в основном руководители предприятия не желали вникать в вопросы, связанные с деятельностью отдельных участков и бытом рабочих.

Разобщённость некоторых объектов комбината приводила к многочисленным простоям производства и, как результат, к неслаженной работе цехов, невыполнению планов и низкому качеству продукции[33]. Рабочие считали, что виновными за простои, нехватку инструментов и прочие проблемы являлись

---

[30] Разве так надо заботиться о грузчиках? // Выборгский большевик. 1949. 13 сентября. № 221. С. 2.

[31] ЛОГАВ, оп. 2, д. 24, л. 67.

[32] Ответ на письмо // Выборгский большевик. 1949. 13 сентября. № 235. С. 2.

[33] Когда недооценивают механизацию // Там же. 22 февраля. № 213. С. 2.

ответственные за участки или начальники смен, а не только директор. Участились технологические сбои: в 1947–1949 гг., например, из-за перегрузки ТЭЦ предприятие несколько раз не работало, а в феврале 1949 г. типичными стали долгие простои машин из-за несвоевременной подачи бумажной массы[34].

В условиях советской экономики, когда декреты партии требовали высвобождения всё больших финансовых средств для нужд центра, администрация посёлка не имела ресурсов для развития инфраструктуры, связанной с производством и бытовыми условиями рабочих, что влияло на все производственные процессы.

Известно, например, что процессы погрузки и выгрузки балласта, главного сырья для производства на лесной бирже, довольно трудоёмки. Из-за нехватки механизмов их выполняли вручную, для чего предприятию приходилось содержать колоссальный штат грузчиков. В случае полной механизации, по подсчётам главного бухгалтера Пилепенко, биржа могла бы принести заметную прибыль предприятию за 1949 г. и тем самым повысить оборачиваемость рубля. Однако рабочие жаловались: биржа стала свалкой балласта по обеим сторонам железнодорожных путей, что негативно сказалось на хранении сырья[35].

Ещё один пример. В 1947 г. на биржу завезли портальный кран из Ленинграда. Управляющий бригадой Овчинников начал монтаж стальной конструкции, но вскоре работа затормозилась по причине институциональных несогласий между комбинатом и трестом, отвечавшим за установку крана. В итоге к запланированному сроку – началу 1948 г. – кран ещё не работал (и подобных случаев было очень много)[36]. Но необходимость выполнения плана требовала срочного принятия решений. Местные рационализаторы начали действовать. Рабочий Черных, например, предложил работникам из нескольких цехов в перерывы перетаскивать по паре брёвен в день. Другое решение заключалось в применении поставленных на один рельс тачек, которые могли облегчить погрузку балласта на платформы. Однако ни одним из методов не воспользовались: первый не соответствовал задачам механизации, второй предполагал испытания и усовершенствования агрегата[37], т.е. проекты, требовавшие доработок, руководством не рассматривались.

Внедрявшиеся на комбинате инновации были ориентированы на максимально быстрое выполнение плана, но не за счёт новых и усовершенствованных старых механизмов или процессов и эффективного использования ресурсов. Основной акцент делался на ускорении и напряжении доступных возможностей. Характерен в этом отношении пример с выпуском картона, качество которого зависит от соблюдения производственных режимов (с помощью бумажной машины или сушки полотна)[38]. Мастер Иванов опубликовал отчёт о том, что его бригада увеличила количество снимаемого картона с каждого квадратного метра за счёт установки двух цилиндров. В итоге существенно возросла скорость бумажной машины – с 18 до 24 м в минуту – и удалось получить в день на 1.5 т картона больше. Вдохновлённые полученным результатом рабочие предложили увеличить выпуск картона ещё на 200 кг за одну смену, а также

---

[34] Письма с ЦКБ // Там же. 19 февраля. № 211. С. 2.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Результаты работы за день печатались в «Молниях бумажников» // Там же. 23 июля. № 270. С. 2.

[38] Там же.

выпустить 80 т картона высокого сорта марки «А»[39]. Эту задачу они успешно выполнили, однако работавшее на пределе возможностей оборудование быстро изнашивалось.

Примечательно, что тогда форсированные методы работы на предприятиях распространялись благодаря проведению фабричных конференций и организации командировок отдельных изобретателей и передовиков производства. Так, в Йоханнесе использовали методики и усовершенствования станков, предложенные изобретателями других советских предприятий. Тем не менее всё это применялось не для усовершенствования производства, а ради ускоренного выполнения постановлений ЦК партии. При требованиях увеличить количественные показатели качество продукции отходило на второй план. Экономия средств за счёт максимального напряжения применявших на комбинате технологий приводила к большим убыткам: если в 1947 г. на 1 руб., вложенный в производство, выпустили продукции на 2 руб. 64 коп., то в 1948 г. – на 1 руб. 87 коп.[40]

Выход комбината на запланированные мощности был связан с повышением качества образования персонала и расширения механизации. Параллельно с этим широко декларировались и выпускались инструкции о том, как беречь оборудование для повышения качества производства, но на деле подобные предписания часто не выполнялись и предприятие продолжало работать скоростными методами. Так, в 1949 г. вследствие перегрузки мощности в моторе, вращавшем бумажную машину, была расплавлена ключевая деталь (подшипник), что вызвало длительный простой оборудования[41].

К 1947 г. газетные сводки о работе комбината превратились в инструмент идеологии, с помощью которого оказывалось воздействие на его руководство. В конечном итоге невыполнение планов в одни месяцы и перевыполнение в другие привело к тому, что в 1951 г. вместо Веригина директором был назначен Соколов. Первый сыграл большую роль в восстановлении производства сразу после войны, в основном за счёт поддержки рационализаторства. Но вскоре такой директор оказался ненужным – его методы работы расходились с предписаниями партии и были направлены не на ускорение, а на поощрение инноваций, улучшение качества продукции и открытого обсуждения производственных вопросов. В итоге пресса создала образ неприятного и раздражающего всех директора Веригина, которого быстро «убрали».

История целлюлозно-бумажного комбината в Йоханнесе (Советском) свидетельствует о происходивших там социальных и технологических трансформациях. Для периода восстановления этого бывшего финского предприятия были характерны: самостоятельность инженеров в решении текущих проблем, активное внедрение изобретений для решения острых задач, важных с точки зрения развития технологической системы, обращение к зарубежному опыту. Партийный контроль над деятельностью инженеров и рабочих был ослаблен. В дальнейшем приоритетным стало выполнение годовых планов и важнейшей задачей предприятия оказалась экономия, но достигали её не с помощью внедрения рационализаторских предложений и увеличения производительности труда, а за счёт форсированных методов производства. В конце 1940-х гг. усовершенствования, предложенные работниками комбината, внедрялись с

[39] Крепкая дисциплина – залог успеха // Там же. 1951. 8 июля. № 243. С. 2.
[40] Письма с ЦБК // Там же. 1949 г. 19 февраля. № 211. С. 2.
[41] Там же.

большими бюрократическими проволочками. Развитие изобретений на советском производстве было тогда невозможно из-за незаинтересованности в этом со стороны руководства заводов и фабрик. К. Бейлс (K. Bailes) относительно периода «высокого сталинизма» отмечал: поскольку план подразумевал определённое давление и срочность, инженеры были поставлены перед сложным выбором; и чаще всего они выбирали выполнение плана всеми силами, нежели трату времени на инновации; отсюда – консерватизм и нежелание руководства ввязываться в длительные процессы инноваций[42].

Финансирование, выделенное предприятиям, шло не на усовершенствование производства, а на поощрение рабочих за перевыполнение плана. Со времени индустриализации 1920–1930-х гг., за исключением короткого периода (1944–1946), отношение к инновациям и конверсии производства у руководства предприятий не изменилось. Для комбината «Советский» характерными стали экономия, ускорение, использование «на износ» рабочих и остаточное финансирование инфраструктуры. В таких условиях модернизация технологической системы отошла на второй план и главным стало выполнение годовых показателей за счёт напряжения существовавших технологических мощностей. При этом технологическая система продолжала оставаться в основе своей такой же, как и в предшествовавшую эпоху. При несоблюдении технологий происходили сбои, повысилась аварийность на предприятии. Хотя его руководство успешно выполняло государственный план, но наладить стабильную и бесперебойную работу производства, характерную для финского периода, оно уже не смогло.

---

[42] *Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978. P. 348.